

ДОКЛАД
на тему: «Ответственность контролирующих должника лиц»

Оглавление

I. Введение. Общие положения о субсидиарной ответственности	3
II. Топ-5 сумм субсидиарной ответственности в 2023 году	6
III. Ответственность кредиторов за причинение вреда конкурсной массе ..	7
IV. Субсидиарная ответственность контролирующих должника лиц вне процедуры банкротства	11

I. Введение. Общие положения о субсидиарной ответственности

Субсидиарная ответственность - вид гражданско-правовой ответственности, когда субсидиарный должник несет дополнительную ответственность по отношению к ответственности, которую несет основной должник; применяется в случаях, установленных законодательством или договором.

После развала СССР в России расцвела экономическая преступность. «Серые» схемы по банкротству фирм-однодневок привели к тому, что банки и другие кредиторы начали терять деньги и доверие к другим (честным) клиентам.

Тогда появился правовой механизм, который установил личную финансовую ответственность руководителя за платежеспособность фирмы по взятым обязательствам. Им стала субсидиарная ответственность (или, как ее часто называют, **субсидиарка**).

Ее ввели, чтобы лицо, повлиявшее на реальную платежеспособность компании, не могло избежать заслуженного наказания, прикрываясь формальностями.

Субсидиарная ответственность (**СО**) возникает, когда в финансовых взаимоотношениях присутствуют не менее трех субъектов:

Кредитор — чаще всего банк;

Должник — тот, кто занимает деньги у кредитора;

Физическое или юридическое лицо, которое несет субсидиарную ответственность. То есть обязуется погасить долг, если заемщик утратит платежеспособность.

Виды субсидиарной ответственности:

Договорная СО наступает, если основной должник отказывается исполнять обязательства, а в (кредитном) договоре указано, что некое лицо за него отвечает. Яркий пример — договор поручительства.

Внедоговорная СО наступает в силу закона, как правило, когда должник (протеее человека, несущего СО) умышленно или не умышленно нарушил гражданские права кредитора (другого гражданина) и не имеет средств, чтобы исправить последствия своих действий.

Что такое Контролирующие Должника Лица (КДЛ)

Если должник в процедуре банкротства не может расплатиться со всеми кредиторами, к субсидиарной ответственности привлекают контролирующих его лиц.

Контролирующее лицо должника (КДЛ) — гражданин или организация, которые дают должнику обязательные указания или другими способами влияют на него (п. 1 ст. 61.10 127-ФЗ).

КДЛ может быть кто угодно. Главное — доказать, что лицо управляло должником, когда он принимал решения или заключал сделки.

Возможность некоторых лиц контролировать должника презюмируется законом. Презумпция — это положение, которое не нужно доказывать. Но если привести веские доказательства, положение можно оспорить.

Это значит, что некоторые лица будут считаться КДЛ, пока не опровергнут это.

К ним относятся:

- директор должника, его управляющий-ИП, управляющая компания, ликвидатор, член правления или дирекции. Даже если директор — номинальный руководитель, а фактически компанией управляет другой человек, он все равно признается КДЛ (п. 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.17 № 53),
- владелец 50% акций или доли в уставном капитале общества,
- лица, которые могут распоряжаться более чем 50% акций или долей в уставном капитале, а также голосов в общем собрании,
- лица, которые имеют право назначить руководителя должника. Например, единственный участник общества, учредители автономной некоммерческой организации,
- лицо, которое извлекло выгоду из недобросовестного поведения руководителя должника.

Основания для привлечения к субсидиарной ответственности

Рассматривая основания привлечения к ответственности, необходимо ознакомиться со статьями 61.11 и 61.12 закона о банкротстве.

Ответственность предусматривается в случае невозможности полного удовлетворения требований кредиторов **(1)** и накладывается **(2)**, если установлено наличие вины контролирующих должника лиц (КДЛ) в наступлении одного из следующих событий:

1. совершение сделок с целью причинения имущественного вреда кредиторам;
2. документы бухгалтерского учета искажены или отсутствуют;
3. отсутствуют иные документы, обязательные для хранения в обществе;
4. требования кредитора возникли в результате правонарушений;
5. в федеральных реестрах не опубликованы обязательные для опубликования сведения.

Самостоятельным основанием для привлечения к ответственности является неподача заявления о банкротстве, однако оно распространяется только на руководителей должника.

Важно сказать, что это не исчерпывающий перечень поводов для привлечения к ответственности, судам дано право использовать и иные основания для привлечения к СО, если они будут достаточными по мнению суда.

Несмотря на то, что доля удовлетворенных заявлений о привлечении КДЛ к субсидиарной ответственности превышает 50% от общего числа, значительной части из них можно было избежать. (Согласно статистическим данным сервиса Федресурс, в 2022 году к субсидиарной ответственности привлечено 5132 человека, что в 10 раз больше аналогичного показателя 2016 года.)

Руководители компаний после назначения конкурсного управляющего отходят от дел, зачастую даже не передавая последнему документацию, после чего ожидаемо получают решение о привлечении к субсидиарной ответственности.

В то же время, наладив контакты с управляющим и помогая ему вести процедуру, представляя ему необходимые документы и сведения, можно заручиться его лояльностью и избавиться себя от большей части проблем.

Такой вариант может потребовать от Вас траты большого количества личного времени, однако это лучше, чем получить долг, который не может быть списан даже в рамках личного банкротства.

Помогать конкурсному управляющему не всегда в интересах руководителя, поскольку это чревато более серьезными последствиями. В таких случаях к процедуре стоит готовиться заблаговременно и, как вариант, самостоятельно обратиться с заявлением.

Кого могут привлечь к субсидиарной ответственности

Чаще всего к субсидиарной ответственности привлекают руководителей и директоров по долгам ООО, если организация не может сама их погасить. Как правило, речь идет о случаях, когда должностное лицо намеренно приводит компанию к финансовому краху и получает от этого выгоду. Хотя ответственность может наступить и за ошибки в управлении.

В поле зрения контролирующих органов могут попасть контролирующие должника лица, которые влияют на управленческие решения в компании. В таких случаях говорят о субсидиарной ответственности учредителя.

Претензии могут возникнуть к родственникам руководителей, их бывшим начальникам и т. п. Все эти люди понесут субсидиарную ответственность за банкротство компании, даже если формально никогда не имели к ней отношения. Руководство и владельцы организаций привлекают к субсидиарной ответственности за мнимые, притворные или невыгодные сделки, которые привели к возникновению долга перед кредиторами и банкротству юрлица. А для их родственников предусмотрены иные основания. Закон о банкротстве прямо называет потенциальными КДЛ тех из них, кто влиял на принятие решений. Если же родственники не участвуют в управлении делами должника, то могут быть признаны КДЛ на основании подп. 3 п. 4 ст. 61.10 Закона о банкротстве. То есть они получили выгоду от незаконных или недобросовестных действий тех, кто компанией управляет.

Количество заявлений о привлечении к субсидиарной ответственности и, соответственно, судебных актов о привлечении к СО с годами только растет.

Так, в 2022 году по сравнению с предыдущим годом первое число выросло на 6% (с 6835 заявлений до 7259), а второе — на 7,5% (с 3147 актов до 3385). Такие споры — одни из самых сложных в арбитражном процессе. Поэтому единого механизма привлечения к СО нет, каждый случай требует индивидуального подхода. Ведь в таких судебных спорах истец должен доказать, что своими действиями КДЛ привел компанию к *объективному банкротству* (*Прим.* формальное банкротство, когда лицо может оплатить, но в силу каких-то обстоятельств не сделал этого).

II. Топ-5 сумм субсидиарной ответственности в 2023 году

В рейтинге – пять дел, по которым суды привлекли топ-менеджеров банкротов к субсидиарной ответственности на крупные суммы.

5 место. 8,8 млрд руб. по долгам банка «Легион»

Агентство по страхованию вкладов просило привлечь к субсидиарной ответственности председателя правления «Легиона» И.В. Сокеркина, первого зампреда правления А.Н. Некрасова, зампреда правления В.В. Брусенцева, председателя совета директоров И.В. Ступина и главбуха В.С. Телегина. По версии конкурсного управляющего банка, по их указаниям «Легион» выдавал заведомо невозвратные кредиты подконтрольным им компаниям.

4 место. 14,9 млрд руб. по долгам «Международного банка Санкт-Петербурга»

Конкурсный управляющий просил суд привлечь к субсидиарной ответственности председателя правления банка С.В. Бажанова, председателя совета директоров Т.В. Бажанову, зампреда правления М.В. Анищенко, члена директоров А.В. Зуева, главбуха Т.Н. Бережанскую.

3 место. 33 млрд руб. по долгам «ОФК Банка»

Агентство по страхованию вкладов, конкурсный управляющий «ОФК Банка», просило привлечь к субсидиарной ответственности его основных бенефициаров, председателя, зампреда и членов правления, а также глав региональных отделений банка.

По мнению конкурсного управляющего, контролирующие лица осознанно сформировали у «ОФК Банка» некачественный кредитный портфель, что и привело к банкротству.

2 место. 43,8 млрд руб. по долгам банка «БФГ-Кредит»

Агентство по страхованию вкладов, конкурсный управляющий «БФГ-Кредит», просило привлечь к субсидиарной ответственности бывшего зампреда правления банка Д.Н. Пуресева. До того суд уже привлек к СО основных бенефициаров, председателя совета директоров, председателя и членов правления «БФГ-Кредита».

1 место. 71 млрд руб. убытков от санации «Бинбанка»

Центробанк и банк «Открытие» потребовали взыскать с контролирующих лиц «Бинбанка» 71,17 млрд руб. убытков, которые регулятор понес при его санации. По их мнению, банку потребовалась докапитализация из-за действий его руководства.

Первоначально истцы предъявили требования к шести контролирующим лицам «Бинбанка». Но с одним из них заключили мировое соглашение, а требования еще к трем суд отклонил.

III. Ответственность кредиторов за причинение вреда конкурсной массе

14 ноября 2022 г. Верховный суд РФ вынес Определение по делу по делу № А56-45590/2015 о банкротстве общества с ограниченной ответственностью «Выборгская лесопромышленная корпорация». В рамках указанного Определения ВС РФ итоговая точка по рассмотрению дела поставлена не была, дело было направлено на новое рассмотрение. Однако ВС РФ были даны разъяснения норм действующего законодательства, согласно которым ВС РФ допустил возможность привлечения к ответственности кредиторов должника.

Краткая фабула дела:

В апреле 2018 года «ВЛПК» признали банкротом. Однако, кредиторы решили, что она продолжит свою деятельность.

В мае 2018 года «ВЛПК» и «Международный финансовый центр «Капитал» заключили договор, по которому «ВЛПК» обязалась оказывать услуги по переработке (процессингу) сырья и производству бумажной продукции. Готовую продукцию «ВЛПК» передавала «Капиталу», который, в свою очередь, передавал ее обществу «Северная целлюлоза» для реализации на рынке со значительной прибылью.

В августе 2020 года собрание кредиторов одобрило договор процессинга и сопутствующие сделки. При этом процедуру банкротства контролировал «Таврический банк», который входил в Группу ОНЭКСИМ вместе с «Капиталом» и «Северной целлюлозой».

Однако из-за заключения договора с «Капиталом» «ВЛПК» не просто недополучала прибыль, но и продолжала накапливать убытки. За переработку сырья «Капитал» платил обществу «ВЛПК» цену, которая была ниже себестоимости переработки. Участники группы Онексим и управляющий извлекали выгоду из совместных противоправных действий.

Налоговая и ряд миноритарных кредиторов обратились в суд с требованием о привлечении банка, «Капитала», «Северной целлюлозы» и конкурсного управляющего к солидарной ответственности за причинение вреда кредиторам. Они ссылались на то, что эти лица действовали совместно с целью причинения вреда кредиторам.

Суды первой и апелляционной инстанций отказались привлечь этих лиц к ответственности. Они сослались на то, что их вина в причинении убытков не доказана. Заключать договор процессинга было необходимо — остановка производственного цикла и консервация завода потребовали бы значительных затрат.

Кассация взыскала убытки с конкурсного управляющего, но также отказалась привлечь к ответственности банк, «Капитал» и «Северную целлюлозу». Он признал, что договор процессинга был невыгоден для должника и фактически привел к тому, что должник стал аккумулировать только убытки, а всю прибыль забирали участники схемы.

Несмотря на это, суд посчитал, что легальных оснований для привлечения к ответственности участников Группы ОНЭКСИМ нет.

В рамках рассмотрения дела Верховный суд РФ не согласился с позицией нижестоящих судов, направил на новое рассмотрение, сделав следующие выводы:

1) Лица, имевшие возможность определять действия юридического лица, могут причинить ему вред как до признания его банкротом, так и в ходе конкурсной процедуры вплоть до ликвидации юридического лица.

В конкурсном производстве должнику-банкроту может быть причинен вред как конкурсным управляющим, так и иными лицами; как самостоятельно, так и совместно. Вопросы возмещения убытков, причиненных должнику арбитражным управляющим, не исполнявшим или ненадлежаще исполнявшим свои обязанности, регулируются пунктом 4 статьи 20.4 Закона о банкротстве, а также

общими положениями статьи 15 ГК РФ. Лица, совместно причинившие должнику-банкроту вред, отвечают перед ним солидарно по общим нормам о возмещении вреда (статья 1080 ГК РФ).

2) Отсутствие корпоративных связей между потерпевшим и причинителями вреда также не может быть основанием для освобождения последних от гражданско-правовой ответственности в виде взыскания убытков.

3) Конкурсная процедура является по своей сути ликвидационной и не предполагает, что должник будет продолжать свою деятельность. Во время этой процедуры требования кредиторов погашаются за счет продажи имущества должника, поэтому конкурсный управляющий по общему правилу не должен заботиться о показателях этой деятельности должника.

Однако, если кредиторы решили продолжать производственную деятельность должника, то разумный и добросовестный управляющий должен принять меры для получения должником максимальной прибыли.

Безразличное и, тем более, расточительное отношение конкурсного управляющего к рентабельности производственной деятельности не соответствует цели банкротства, сделал вывод ВС.

Представляется логичным, что после введения конкурсного производства (а, следовательно, при установлении обстоятельств невозможности восстановления платежеспособности должника), деятельность должника должна быть прекращена, поскольку обратное может означать неоправданное наращивание расходов.

Основную массу споров между управляющим и кредиторами составляет наличие текущих расходов. Кредиторы, полагая, что принято решение о прекращении деятельности, считают, что и текущие расходы должны отсутствовать. **Однако, наличие текущих расходов не приравнивается к продолжению деятельности должника.**

В соответствии с правовой позицией, сформулированной в *пункте 3 Обзора судебной практики, утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации N 4 (2016) от 20.12.2016*, по смыслу *пункта 1 статьи 129 Закона о банкротстве* конкурсный управляющий, являющийся профессиональным участником отношений в сфере банкротства, наделен компетенцией по оперативному руководству процедурой конкурсного производства. В круг основных обязанностей конкурсного управляющего входит формирование конкурсной массы. Для достижения этой цели арбитражный управляющий обязан принимать управленческие решения. В силу *пункта 4 статьи 20.3 Закона о банкротстве* конкурсный управляющий несет самостоятельную обязанность действовать в интересах должника и кредиторов добросовестно и разумно. Данную обязанность управляющий исполняет вне зависимости от того, обращались к нему кредиторы с какими-либо предложениями либо нет.

В соответствии с положениями *Закона о банкротстве* целью конкурсного производства является соразмерное удовлетворение требований кредиторов. Достижение указанной цели возлагается на конкурсного управляющего, который осуществляет полномочия руководителя должника и иных его органов управления и действует в пределах, в порядке и на условиях, установленных названным законом.

Несмотря на то, что задачами арбитражного управляющего в процедуре конкурсного производства являются последовательные мероприятия по формированию конкурсной массы путем выявления и реализации имущества (активов) должника для расчетов с кредиторами, запрета на осуществление должником-банкротом хозяйственной деятельности Закон о банкротстве не содержит. Между тем, цель конкурсного производства заключается в последовательном проведении мероприятий по формированию конкурсной массы и ее реализации для проведения расчетов с кредиторами. Поэтому срок, в течение которого может сохраняться производственная деятельность должника в данной процедуре, должен соотноситься с периодом времени, необходимым и достаточным для выполнения эффективным арбитражным управляющим упомянутых процедур, направленных на выявление и реализацию имущества.

В любом случае срок, в течение которого может сохраняться производственная деятельность должника, должен соотноситься с периодом времени, необходимым и достаточным для выполнения эффективным арбитражным управляющим всех предусмотренных законом процедур, направленных на отчуждение принадлежащих должнику объектов в целях проведения расчетов с кредиторами.

Положения ст. 129 Закона о банкротстве не могут быть истолкованы таким образом, что продолжение деятельности юридического лица - должника в период конкурсного производства **оправдано до тех пор, пока иное не установлено собранием кредиторов**, и направлены на предоставление собранию кредиторов возможности понудить арбитражного управляющего к реализации ликвидационных мероприятий в ситуации, когда он, настаивая на производстве должником товаров (выполнении работ, оказании услуг), неоправданно наращивает кредиторскую задолженность, что, в свою очередь, негативным образом сказывается на конкурсной массе.

4) При доказанности совместного причинения вреда конкурсным управляющим и иными лицами ответственность несет вся группа причинителей вреда солидарно. Иной подход делает безрисковой и оставляет безнаказанной противоправную деятельность лиц, участвовавших в подобной схеме правоотношений и аккумулировавшим на себя всю полученную от нее прибыль.

Учитывая тот факт, что намерение причинить вред, как правило, не афишируется, требование от потерпевшего представления им прямых доказательств согласованной воли сопричинителей о совместном причинении вреда чрезмерно и неоправданно. Вывод об этих обстоятельствах может быть сделан на совокупности согласующихся между собой косвенных доказательств по принципу: "установленные обстоятельства указывают на то, что скорее всего событие произошло только в результате согласованных действий".

Позиции по Определению ВС РФ

Если попытаться уместить все определение в один тезис, то он будет звучать следующим образом: **«Кредиторов, которые контролируют банкротство, можно привлечь к ответственности за причинение вреда конкурсной массе».**

Эта позиция может изменить к лучшему ситуацию с контролируруемыми банкротствами. Недобросовестные кредиторы, которые используют банкротство для того, чтобы получить прибыль за счет других кредиторов, не смогут остаться безнаказанными. Теперь им нужно будет учитывать, что их самих могут привлечь к ответственности.

Во-первых, контролирующих банкротство кредиторов можно привлечь к ответственности за те решения, которые причиняют вред конкурсной массе. Такая ответственность не является субсидиарной, а наступает по общим правилам Гражданского кодекса.

Во-вторых, если кредиторы приняли решение продолжать деятельность предприятия, то управляющий должен заботиться о его безубыточности. Если убытки конкурсной массе были причинены, то управляющий может быть привлечен к ответственности за это.

В-третьих, если управляющий и контролирующие кредиторы действуют совместно, то они могут быть привлечены к ответственности как солидарные должники, совместно причинившие вред. При этом для доказывания их сговора достаточно представления лишь косвенных доказательств.

Позиция ВС, безусловно, заслуживает всяческой поддержки. Если судебная практика воспримет ее, то определение по делу «ВЛПК» станет одним из самых значимых судебных актов для российского банкротства.

До нее недобросовестные кредиторы могли не опасаться, что они каким-то образом пострадают. Единственное возможное последствие — потеря подконтрольного управляющего.

Независимый управляющий мог им помешать. Однако даже тогда у таких кредиторов сохранялась возможность назначить «своего» управляющего еще раз. Сами недобросовестные кредиторы никаких убытков не несли.

Однако после принятия определения по делу «ВЛПК» ценность контроля над банкротством снижается. Теперь недобросовестные кредиторы будут сами нести ответственность за те решения, которые они приняли в рамках дела о банкротстве. Риск привлечения к ответственности заставит недобросовестных кредиторов действовать более аккуратно и отказываться от наиболее вопиющих схем по выводу активов через банкротство.

В очередной раз подтверждается, что сообщество кредиторов является недобровольным товариществом. Поэтому необходимо учитывать, что его участники связаны друг с другом обязательствами, требующими от них учитывать взаимные интересы. Из этого тезиса следует, что кредиторы могут нести ответственность за решения, которые они принимают в процедуре банкротства.

IV. Субсидиарная ответственность контролирующих должника лиц вне процедуры банкротства.

Конституционный Суд РФ опубликовал Постановление от 7 февраля 2023 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности подпункта 1 пункта 12 статьи 61.11 Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)” и пункта 3.1 статьи 3 Федерального закона “Об обществах с ограниченной ответственностью», посвященное вопросам привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих лиц хозяйственного общества, дело о банкротстве которого прекращено в связи с отсутствием средств для финансирования банкротных процедур, а впоследствии это юридическое лицо исключено из ЕГРЮЛ по решению регистрирующего органа.

Перед тем, как вышло Постановление Конституционного Суда от 21 мая 2021 года № 20-П, пункт 3.1 статьи 3 Закона об обществах с ограниченной ответственностью, введенный Федеральным законом от 28 декабря 2016 года № 488-ФЗ “О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации”, **фактически не действовал**. Развитие практики применения этого положения сталкивалось с серьезными препятствиями **в виде высокой степени доказывания**, когда кредитору была возложена обязанность доказать все аспекты деликта: вину, незаконность, ущерб и причинно-следственную связь между незаконными действиями или бездействием руководителя (контролирующего лица) и ущербом, причиненным кредитору. Это препятствие было поддержано Верховным Судом Российской Федерации, что привело к неравновесию: приоритет отдавался не интересам пострадавшего кредитора, а правам контролирующих лиц, которые даже при покидании “тонущего корабля” могли рассчитывать на освобождение от субсидиарной ответственности, игнорируя свои материально-правовые обязанности действовать разумно и добросовестно (пункты 1-3 статьи 53.1 Гражданского кодекса Российской Федерации) и процессуальную обязанность представлять доказательства в опровержение аргументов кредиторов (пункт 2 статьи 61.15 Закона о банкротстве).

Постановление Конституционного Суда от 21 мая 2021 года № 20-П стало шагом, упрощающим процессуальные обязанности кредитора в части доказывания оснований для привлечения к субсидиарной ответственности. Наконец-то интересы кредитора были поставлены на первое место.

Данное постановление содержит два ключевых вывода:

Во-первых, кредитор объективно не в состоянии доказать все элементы деликта (включая вину, противоправность и причинную связь), так как он не участвует во внутрикорпоративных отношениях данного общества и не имеет доступа к его документам. Следовательно, вина контролирующих лиц презюмируется в причинении ущерба кредитору.

Во-вторых, отказ или уклонение от участия в судебном процессе подразумевают, что вина в причинении ущерба доказана.

Однако, **практика применения закона показала, что Верховный Суд не принял подход, разработанный Конституционным Судом, и последовательно заменял «прокредиторскую» позицию нижестоящих судов на «продолжниковую»**.

Так, в Определении от 30 января 2023 года № 307-ЭС22-18671 Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда выразила спорную позицию, указав **на необходимость доказывать, что неразумные и/или недобросовестные действия или бездействие лиц, перечисленных в статье 53.1 Гражданского кодекса, привели к невозможности исполнения обществом долговых обязательств**.

В Определении от 3 ноября 2022 года № 305-ЭС22-11632 Коллегия требовала, **чтобы кредитор доказал недобросовестное поведение контролирующего лица, которое может**

проявиться в выборе моделей ведения хозяйственной деятельности или способов распоряжения имуществом юридического лица, приводящих к уменьшению активов общества и не учитывающих интересы самого юридического лица, связанные с возможностью исполнения обязательств, или при которых лицо продолжает брать на себя обязательства, несмотря на невозможность их исполнения.

Кроме того, **Верховный суд предлагал исследовать вопрос о том, предпринимал ли кредитор меры для предотвращения административного исключения должника из Единого государственного реестра юридических лиц**¹.

Возникает вопрос: насколько реально кредитору будет доказать эти факты?

Анализ нового Постановления КС РФ № 6-П от 7 февраля 2023 г. вызывает неоднозначные ощущения. С одной стороны, что Конституционный Суд преимущественно придерживается позиции, выраженной в Постановлении № 20-П от 21 мая 2021 года, о необходимости перераспределения бремени доказывания. С другой стороны, он устанавливает новые условия, при которых контролирующее лицо может быть привлечено к субсидиарной ответственности, но эти условия связаны с возложением большей ответственности на кредитора, а не на контролирующее должника лицо.

В рамках Постановления КС РФ № 6-П от 7 февраля 2023 г. можно выделить следующие выводы.

Во-первых, важно оценить добросовестность действий кредитора.

Постановление отмечает, что перед тем, как обратиться в суд с требованием о привлечении контролирующего лица к субсидиарной ответственности, кредитор должен убедиться в невозможности исполнения или прекращения обязательства организации как в добровольном, так и в принудительном порядке. Кредитор должен быть заботливым и осмотрительным в отношениях с должником, включая своевременное использование механизмов досудебной и судебной защиты прав и принудительного исполнения судебных решений.

Практический смысл этой позиции заключается в том, что после получения решения суда о взыскании долга недостаточно просто обратиться с заявлением о признании должника банкротом. Кредитору также необходимо попробовать воспользоваться исполнительным производством.

Так, суд КС РФ указывает на следующее: «Кредитор и контролирующее деятельность должника лицо обязаны проявлять добросовестность, содействуя друг другу с целью справедливого распределения рисков на всех этапах взаимодействия, начиная с правоотношений (преимущественно договорных) с организацией-должником и завершая разрешением в суде спора о наличии установленных в законе материально-правовых оснований для привлечения контролирующего должника лица к субсидиарной ответственности, а равно должны сохранять уважение к правосудию. Поэтому кредиторы, в том числе ведущие предпринимательскую деятельность, прибегая к судебной защите своих имущественных прав, вправе рассчитывать на добросовестное поведение контролирующих должника лиц не только в материально-правовых, но и в процессуальных отношениях: на их содействие правосудию, на раскрытие информации о хозяйственной деятельности контролируемой организации, на представление документов и иных доказательств, необходимых для оценки судом наличия либо отсутствия оснований для привлечения к субсидиарной ответственности».

¹ Примечательно, что согласно п. 3.1 Постановления Конституционного суда Российской Федерации от 21.05.2021 г. № 20-П само по себе то обстоятельство, что кредиторы общества не воспользовались подобной возможностью для пресечения исключения общества из единого государственного реестра юридических лиц, не означает, что они утрачивают право на возмещение убытков на основании пункта 3.1 статьи 3 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью».

Во-вторых, у кредитора нет доступа к сведениям и документации о хозяйственной деятельности должника

Указанный вывод, на наш взгляд, является основополагающим, так как отсутствие сведений у Кредитора о финансово-хозяйственной деятельности Должника является первичной проблемой при доказывании возможности привлечения КДЛ к субсидиарной ответственности.

Вместе с тем, другой вывод заключается в необходимости исследования доступа кредитора к информации о деятельности основного должника. Если доказано, что такой доступ отсутствовал, то бремя опровержения доводов кредитора возлагается на контролирующее лицо.

К сожалению, в Постановлении нет обоснования, почему Конституционный суд уделяет особое внимание возможности доступа аффилированных лиц к информации (и, следовательно, возлагает бремя доказывания неразумности и недобросовестности на контролирующее лицо) и заявителей, обладающих государственными полномочиями (которые, по мнению Суда, имеют возможность получить необходимую информацию, и, соответственно, бремя доказывания указанных обстоятельств также не переносится на контролирующее лицо).

Так, КС РФ указывает на следующее *«Стандарт добросовестного поведения кредитора как стороны спора о привлечении к субсидиарной ответственности лица, контролирующего должника, предполагает, в частности, невозможность безосновательно ссылаться на трудности в доказывании противоправности поведения ответчика и причинной связи между таким поведением и вредом при наличии фактически полного доступа к сведениям и документации о хозяйственной деятельности должника в силу, например, аффилированности с ним, принадлежности заявителю государственно-властных полномочий, позволяющих получить указанную информацию, в силу особого положения на рынке, требований, обычно предъявляемых в гражданском обороте к отношениям между подобными хозяйствующими субъектами, сложившихся между кредитором и должником правил взаимодействия, обуславливающих раскрытие этих данных должником перед кредитором, и т.д.»*

Особое внимание следует уделить выводу Конституционного Суда относительно распределения бремени доказывания существенных обстоятельств по делу.

Так, КС РФ указывает на следующее: «В отсутствие у кредитора, действующего добросовестно, доступа к сведениям и документации о хозяйственной деятельности должника и при отказе или уклонении контролирующего лица от дачи пояснений (отзыва) о своих действиях (бездействии) при управлении должником, о причинах неисполнения обязательств перед кредитором и прекращения обществом хозяйственной деятельности (в том числе при неявке в суд) или при явной неполноте пояснений, при непредставлении доказательств правомерности своего поведения (т.е. при установлении судом недобросовестности поведения контролирующего должника лица в процессе) обязанность доказать отсутствие оснований для привлечения к субсидиарной ответственности возлагается судом на лицо, привлекаемое к субсидиарной ответственности. Иное, т.е. получение в деле по заявлению кредитора преимущества в виде освобождения от ответственности в результате недобросовестного процессуального поведения контролирующего должника лица, которое в силу своего положения способно оказывать существенное влияние на деятельность общества и обязано при возникновении признаков банкротства действовать с учетом интересов кредиторов, вступало бы в противоречие с принципом справедливости. Если же в ходе дальнейшего рассмотрения дела будет установлена недобросовестность поведения в процессе кредитора, суд уполномочен корректировать решения, касающиеся распределения соответствующих процессуальных обязанностей».

Иными словами, при наличии добросовестных действий со стороны кредитора, КС РФ возлагает обязанность по доказыванию отсутствия противоправных действий непосредственно на КДЛ.

Надеемся, что представленные разъяснения в Постановлении № 6-П/2023 будут правильно восприняты правоприменительной практикой и ее развитие не откатится назад.